
ВЛАДИМИР БЕРЯЗЕВ

ЗВЕЗДА И КРЕСТ СТАНИСЛАВА ЗОЛОТЦЕВА

Мы дружили последние 10 лет.

Зацепились друг за друга в конце 90-х на одном из пленумов СП России. Вспомнили и самую первую нашу встречу, когда он был одним из руководителей последнего Всесоюзного совещания молодых писателей, а я – семинаристом, в числе других принятым тогда в СП.

С той поры, с эпохи катящегося под откос Союза, я запомнил его вдохновенный пафос в моменты, когда он начинал рассуждать о поэзии, о русской или британской, о настоящей, подлинной, высокой, о той, которой служил с самой юности, даже с детства, будучи привит к ней, как яблоневая почка к большому стволу, – привит в саду деда под Псковом отцом с мамой, сельскими учителями, всю жизнь проработавшими в пушкинских местах, неподалёку от Михайловского и Святых гор, а позже – в Ленинградском университете, где получил блестящее филологическое образование.

Поэзия была его воздухом, смыслом его существования, благо в советские времена можно было жить только этим: читать, писать, ездить по всему Союзу в командировки, выступать перед слушателями на всём пространстве от Камчатки до Таджикистана, от родных североморцев до разливанно-поэтических грузин, можно было писать многостраничные письма друзьям-поэтам – Вишнякову в Читу или Кобенкову в Иркутск, а иногда по часу висеть на телефоне, обсуждая с теми же адресатами ту или иную публикацию.

Благословенные времена! Нам, в пору взросления и зрелости, были суждены катакомбное существование и глухота 90-х. Мы, родившиеся на рубеже 60-х, увы, так и не узнали и не увидели в лицо своего читателя. Но порода была одна, и мы сблизились.

Он был поздним ребёнком вернувшегося с войны русского солдата, желанным, драгоценным, ему было завещано то, чего не смогли достичь родители, что сохранял как заповедную тайну дед, что они пронесли сквозь пламя социальных катастроф и всепожирающих войн. Это – Пушкин, Россия, вера в справедливость и верность Словенским ключам, что бьют у подножия Пушких гор. Вот исток его душевного склада, вот основа того парадоксального единства, которое в напряжённо сжатом виде было явлено в одном из лучших его стихотворений “Звезда и крест”:

*И под русским крестом, и под красной звездой
Упокоен отец мой навечно,
Под крестом из могучей сосны вековой
И под звёздочкой пятиконечной.
Под крестом православным покоится он*

*И под красной советской звездой –
Потому что, когда был в купели крещён,
Русь ещё называлась святою.*

*.....
И над русской землёй, золотой и седой,
“Спи, отец!” – говорю я сквозь слёзы.
Спи под русским крестом и под красной звездой,
Рядом с мамой у белой берёзы...
Спи, отец, – создатель и воин страны,
Что была и пребудет святою,
Под крестом православным из красной сосны
И под русской высокой звездой.*

Золотцев с особенной сердечной болью, с метаниями и приступами отчаяния переживал разрыв времён, попытки вытоптать, выжечь, оболгать, осквернить эпоху, в которой жили, воевали, строили и любили, боролись и часто были счастливы наши родители и деды. Слава Богу, что этот тёмный период нигилизма и ненависти уже позади, даже отдельные литераторы, возглавлявшие это либеральное беснование, публикуют ныне пространные покаяния.

Но Станислав Золотцев, как и многие другие русские поэты, заплатил за это своим сердцем, честным и доблестным сердцем, вместилищем всемирно отзывчивой и светлой души, сердцем, которое, по словам хирургов, было истерзано, истрёпано в прах. Он лишь несколько лет назад опубликовал большую статью “Время гибели поэтов” о том, что в 90-е годы в России ушло из жизни поэтов и писателей едва ли не больше, чем в Великую Отечественную войну. Теперь и он сам оказался в их числе...

...После прощания в ЦДЛ из Пскова пришла машина с почётным караулом. Гроб перенесли в военный грузовик, и флотский офицер Золотцев отправился в последний путь через всю заснеженную среднюю Россию под охраной своих сухопутных братьев-ратников. Земляки встретили его всем городским сообществом, забыв о прежних нестроениях, и проводили как героя под гром прощального салюта на Солдатском кладбище.